Писатель о писателе Веч. клуб. - 1995. - 5 авг. - с. 6.

Если поднять голову от похлебки...

Событие происходило в Красных палатах, что на Остоженке, аккурат за спиной бронзового Энгельса, в роскошном старинном особняке с несколькими залами и благородным подвальчиком, словно специально созданным для фуршетов в те давние времена, когда слово "фуршет" еще не входило в активный словарь рядового жителя империи. Тусовка вполне могла претендовать на титул мероприятия элитарного и даже аристократического, поскольку имели место черная икра, красная рыба, шампанское, президент бизнес-клуба "Поляна" и сразу две телекамеры, не говоря уже о фоторепортерах, сновавших по залам со своей угрожающего вида техникой. Все это называлось презентацией альбома фотографий, изданного на великолепной бумаге и озаглавленного прекрасным словом "Партайкинг", что в переводе с общепринятого на наш провинциальный означает "Прикосновение". Героем дня был, естественно, автор фотоальбома, несколько выпадавший из общей атмосферы: господин Аракчеев позволил себе рубашечку без галстука, подчеркнув тем самым, что для него все это не празднество, а работа. Зато остальная компания была на высшем уровне, присутствовал господин В. в бабочке и с подругой, господин Г. в кирпичном пиджаке с дамой и госпожа Б. почти ни в чем, зато со спутником. Я тоже присутствовал и тоже не один. Альбом вышел на славу, лучшие работы были развешаны по стенам, и красавицы, модно одетые, с завистью разглядывали фотографии красавиц раздетых...

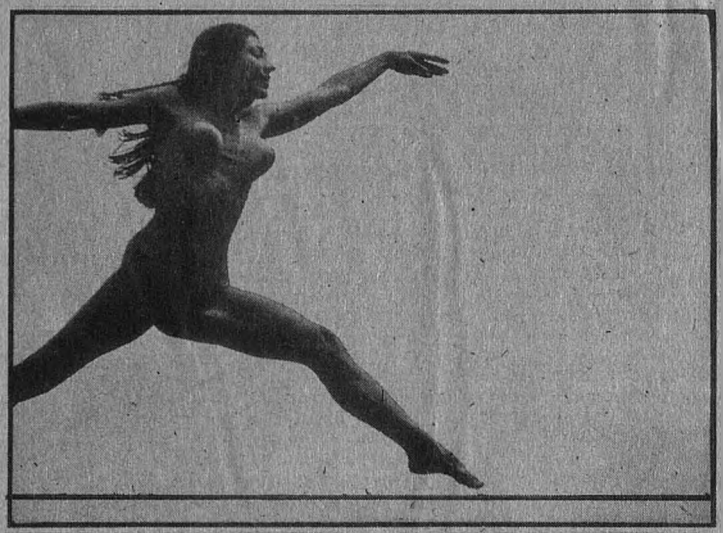
Примерно так следовало бы изобразить происшедшее в популярном нынче разделе светской хроники.

Я, однако, человек не светский, в Красные палаты на черную икру попал по случаю, так что задача у меня иная.

Дело в том, что автор удивительного альбома господин Аракчеев — мой давний друг. Он прозаик, профессиональный честный прозаик, автор примерно десятка книг, некоторые из которых имели серьезный успех. Однако, мне кажется, главным делом его жизни уже давно стало искусство иное: фотография. В прозе над ним коршуном висела цензура, для литератора социального помеха крайне тяжелая. Выбор был безрадостный: соглашаться с диктатурой — самоубийство совести, бороться — силы не равны. Приходилось, подобно многим честным художникам, играть с чертом в карты, стараясь, чтобы не тебя обдурили, а ты обдурил. Это дело увлекательное, но опасное — не потому, что догадаются и посадят, а потому, что душа у человека одна и гнется плохо, недолго и сломать. А фотоискусство, в котором Аракчеев был абсолютно свободен, как раз и помогало сохранить душу.

Слайды, которые стали основой двуязычного альбома, я впервые увидел лет пятнадцать назад, но не на презентации, а в обстановке куда более будничной. Не было ни шампанского, ни икры, ни гостей в бабочках и цветных пиджаках, ни бизнес-клуба с президентом в белой паре. Была однокомнатная квартирка, в которой Юра жил тогда и живет до сих пор. Обстановку я не стану называть скромной, ибо скромной она не была — она была нищей. К состоятельным литераторам Аракчеев не принадлежал никогда, и все свои более чем скудные гонорары тратил на очень недешевое занятие — цветную фотографию.

Зато мир его слайдов уже тогда был не просто богат, а — роскошен. Лес, небо, ручей, фантастически прекрасные бабочки, таинственные, почти сказочные старинные церкви, гусеницы на листьях, ящерицы на развалинах. И — девушки, десятки девушек, почти всегда обнаженные, что по тем временам было еще непривычней, чем нынче одетые.



Помню, я посмотрел, поблагодарил и похвалил щедро, как мог, поскольку никакой иной щедрости мира к художнику я тогда не предвидел...

Но ведь — свершилось! Вот он, в руках, великолепный альбом в двести пятьдесят страниц, лучшая бумага, тексты по-русски и по-английски, подарочное издание, которое будет замечено на любой выставке. Финны печатали? Австрийцы? Чехи хотя бы? Да нет, берите выше: московская фирма "Полимед", Можайский полиграфический комбинат.

Так что же, выходит, можем?

Когда очень хотим — можем.

Работа была долгая и трудная, автор просто жил в типографии, но можайские печатники, кажется, поняли: чтобы научиться печатать первоклассные книги, надо печатать первоклассные книги, иного пути нет. Слава тебе, Господи, получилось!

Умом Россию не понять. Хорошо, что есть все больше оснований в нее верить. Ведь проект с альбомом очень дорогой, на полмиллиарда потянет. Я вот сосредоточился на белом костюме президента бизнес-клуба "Поляна" — а ведь это он нашел спонсора, без него никакого альбома не было бы, пришлось бы шампанское пить просто так, без повода. И НПО "Искра", рискнувшее немалыми деньгами, проявило не только коммерческую смелость, но и драгоценное умение поднимать голову от похлебки к звездам. Только тот, кто верит в будущее, способен выпускать в свет такие книги.

Мы сейчас много говорим о любезном отечестве. И уже обрыдли "патриоты", спешащие похоронить Россию, чтобы потом ее со вкусом и небесплатно оплакать. В книжке Юрия Аракчеева любовь к России на каждой странице. Автор ничего не декларирует, но само "Прикосновение" редкой силы декларация. Оптимизм не позиция, это свойство души. Кто хочет, видит вокруг распад и развал, кто хочет — страну прекрасную, загадочную и бесконечно добрую. Каждая ветка в инее, каждый золотой лист на тропинке, каждая гусеница на стебельке, каждая женщина, выходящая из природы и уходящая в нее, словно бы кричат нам с любой из двухсот пятидесяти страниц альбома: "Люди, милые, оглянитесь, порадуйтесь жизни, порадуйтесь стране, в которой живем!"

Злоба, истерика, паника неконструктивны. Мощной созидательной силой обладает только любовь. А "Прикосновение" — это двести пятьдесят страниц любви.

В середине прошлого века Достоевский провозгласил: "Красота спасет мир". В середине нашего много повидавший Станислав Ежи Лец задал горький вопрос: "А кто спасет красоту?" Мы и сегодня, споря, охотно цитируем обоих.

А мой друг Юра Аракчеев тем временем снимает новые слайды — спасает красоту.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.